

ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 17.021.2+130.2

DOI: 10.26456/vtphilos/2026.1.232

РАЗМЫВАНИЕ ГРАНИЦ НОРМЫ И НЕНОРМАЛЬНОГО: ОТ ФИЛОСОФИИ М. ФУКО ДО НАШИХ ДНЕЙ

Н.В. Федорова

ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», г. Омск

Представлена проблема нормы и ненормального на примере лекций М. Фуко 1975 г., под общим названием «Ненормальные», в которых мыслитель, пятьдесят лет назад, начинает свой переход от проблемы безумия к проблеме власти. Автор придает этим вопросам философское и культурологическое содержание, отказывая психиатрии в единоличном праве на владение нормой и безумием, тем самым заложив основы понимания проблем нормы и ненормального как постструктуралистских. В работе также представлены исследования современных авторов, в основе работ которых позиция М. Фуко сохраняет свою актуальность и получает новый смысл и интерпретацию. В заключении автор приходит к выводу о возможности и необходимости развития учения Фуко на материале современного общества.

Ключевые слова: норма, ненормальное, безумие, психиатрия, трансформация, общество.

Вопросы нормы и ненормального, в силу своей полемичности и изменчивости являются, в первую очередь, философскими, а уж затем частнонаучными. Сложно не согласиться с Н.Б. Тетенковым, хотя бы в части того, что необходим пересмотр позиций в отношении категорий «нормы» и «патологии», как он пишет «...с точки зрения состояния самосознания субъекта познания» [6]. На наш взгляд, такой пересмотр периодически становится актуальным, о чем говорят появляющиеся работы в различных философских направлениях. Однако отправной точкой таких работ, чаще всего называют исследования Мишеля Фуко. По мнению О.И. Калининой, в его работах безумие впервые приобрело философское и культурологическое содержание и стало неразрывно связываться с такими понятиями как «власть знания» и «дисциплинарные практики» [3].

Пятьдесят пять лет назад М. Фуко стал профессором Коллеж де Франс и представил свою первую инаугурационную лекцию [9]. А ровно пятьдесят лет назад, в соответствии с правилами этого учебного заведения, он представил серию лекций под общим названием «Ненормальные», исходной темой которых стало безумие [8]. Фактически философ предприни-

© Федорова Н.В., 2026

мает попытку проанализировать проблему изоляции безумцев, как дисциплинарную меру, подавляющую свободу личности, которая, по его мнению, возникла раньше самого безумия в психиатрии. Можно сказать, что мыслитель, в своих исследованиях, лишает психиатрию ее претензии на обладание знанием о безумии, и отдает предпочтение философскому учению о человеке и культуре заявляя, что безумие и норма появляются одновременно. Он ссылается на высказывание Л.Н. Толстого о том, что сумасшедшие дома изобретены человечеством с тайной целью уверовать в свою разумность. Т. е. безумие или ненормальное есть необходимый фон, на котором высвечивается норма. Или, как пишет А.В. Билибенко, безумие понимается как истина разума, истина человека [2].

На протяжении всего курса лекций М. Фуко последовательно анализирует проблему определения нормы, как философскую, видя в ней не только принцип доступный уму, но и необходимый элемент власти. Ссылаясь на мнение своего учителя Ж. Кангилема, для которого основным объектом изучения был принцип патологии, он считает, что норма, понятие не только полемическое, но и политическое, которое включает в себя возможность и квалификации, и коррекции. Ее функцию он видит не в исключении и отторжении, а напротив, во вмешательстве, преобразовании и нормировании [10]. Своей сверхзадачей М. Фуко считает разработку системы идей концепции нормализации в исторической перспективе [8, с. 73]. Он использует для этой цели свой опыт работы в госпитале Св. Анны, где он, по собственному выражению, находился между миром врачей и миром больных, не имея при этом привилегий первых и печального статуса вторых [7, с. 8].

Указывая на расширение феноменологического поля нормы, благодаря усилиям психиатрии, он говорит о слиянии в едино ранее разделенных нормы, как правила поведения и нормы, как противоположности патологии. Т. е. в ведомстве нормы оказались практически все сферы жизнедеятельности человека. Норма есть правила поведения человека в обществе, норма как как медицинский показатель. Осознавая сложность теоретического осмысления столь широкого понятия, Фуко берется за обе реальности нормы – как противопоставления неправильному и как патологической дисфункции [8, с. 198–199].

По мнению И.И. Сидорова-Моисеева, М. Фуко, учитывая невозможность универсального понимания безумия, связывает его с конкретными социально-историческими условиями, тем самым заложив основы понимания безумия как постструктуралистской проблемы, которая в последствии будет активно развиваться другими авторами [5].

Фуко утверждает, что норма, с одной стороны, оказывается где-то между требованиями социального общежития и медицинским подходом к аномалиям, с другой стороны вбирает в себя все пространство ненормального (индивидов и их поведение) и становится одновременно и наукой, и техникой ненормальных индивидов и ненормальных форм поведения. Другими словами, происходит расширение двух противоположных по смыслу

понятий – нормы и ненормального, они переплетаются, смыкаются и вбирают в себя все сферы жизни и деятельности человека и самого человека. В норме и ненормальном встречаются и преступление, и безумие даже в мельчайших своих проявлениях и формах, едва различимые они становятся фундаментом для основательного здания психиатрии, обнесенного крепким забором, за которым нет места другим специалистам и мнениям. Именно психиатр принимает решение о нормальности или ненормальности, поскольку, как говорит Фуко, предметом деятельности психиатрии становится болезнь беспорядка (или боязнь беспорядка?). Проведя исторический анализ данного вопроса, философ указывает на конкретный исторический период, а именно три десятилетия между 1840 и 1870 гг., когда психиатрия сложилась в технологию аномалий, т. е. приобрела необходимые методы и инструменты для признания поведения человека и самого человека ненормальным, буквально вторгнувшись во все сферы жизни человека, которые раньше ей были не подвластны, включая повседневную сексуальность, над которой врачи узурпировали контроль в конце XVIII в. [8, с. 199–200].

Таким образом, по мнению М. Фуко, психиатрия распространяет свое влияние на поведение человека в самом широком смысле – на его отклонениях и его аномалиях, принимая в качестве помощника нормативное развитие [8, с. 367]. И здесь Фуко усматривает связь между психиатрией и детством, а точнее выстраивает логическую цепочку между психиатрией, инстинктом, нормальным развитием и детством. Он пишет, что ненормальность естественна для инстинкта [8, с. 336], с этим сложно спорить, если понимать инстинкт как проявление животного в человеке, не осознаваемого, не рефлексированного. А инстинкты, как известно, определеннее всего проявляются в детстве, когда природное в ребенке присутствует в большей степени, нежели социальное. И вот здесь, усматривается необходимость в нормальном развитии, то есть переходе от природных инстинктов к социальному, осознанному поведению. Воспитание, по мнению Фуко, должно повиноваться рациональной схеме, правилам, которые должны обеспечить здоровье ребенка и нормальное развитие [8, с. 307]. Обращаясь к проблеме воспитания нормальных граждан, он ссылается на труды И.Б. Базедова, которого называют родоначальником филантропизма в педагогике и основателем школы человеколюбия и добрых нравов в Германии в XVIII в. Обращаясь к согражданам всех сословий, И.Б. Базедов призывал их отдать детей педагогам, позволить им развивать детей согласно критериям нормальности, так как педагоги, не меньше родителей нуждаются в их нормальном развитии [8, с. 308].

Позже, уже во второй половине XIX в. будет проделана огромная работа по слиянию желания и безумия, удовольствия и преступления. Это слияние, в конце концов, привело к тому, что те, кого Фуко в своей работе называет монстрами, т. е. преступников, совершивших серьезные, страшные преступления против личности расщепили на атомы и минимизировали до обыкновенных ненормальных, в то время как ненормальные становятся

монстрами из-за обнаруженного у них желания совершить преступление или получаемого удовольствия от мыслей о преступлении. Таким образом желание, удовольствие и воображение в связи с преступлением раздувается до безумства и реального преступления [8, с. 331–332]. Даже в судебных экспертизах специалистами указываются различные мелочи и детали, которые позволяют сделать вывод о том, что субъект присутствует в воображаемых деяниях в виде желания преступления и достоин реального наказания [8, с. 42]. Несмотря на то, что преступления нет (есть только желание преступить закон) и заключить в тюрьму его не за что, возникает вариант наказания в виде лечения в психиатрической клинике, из которой, как и из тюрьмы выбраться сложно. То есть человек отчуждается от общества за игру воображения, потому что кто-то опасается, что он реализует свои фантазии. Возникает такая игра на опережение между человеком с больной фантазией и психиатром, который не знает, как помочь этому человеку, но опасается его возможных действий. В то же время монструозность ставшая, благодаря психиатрам, простым, домашним ненормальным тоже наказывается и тоже психиатрической клиникой. Несмотря на совершенное преступление, его заключают в лечебницу, шансов выйти из которой примерно столько же, сколько и на выход из тюрьмы. Т. е. уравниваются реальные преступники, монстры и люди с больной, подвижной психикой, вместо наказания за содеянное для первых и медицинской помощи для вторых им предназначена изоляция в психиатрической клинике.

В данном случае Фуко задается вопросом о причинах таких преобразований, трансформаций и даже метаморфоз делающих из ряда вон выходящую монструозность обыкновенным ненормальным и наоборот наделение мелкого, тихого ненормального, который часто сам боится своих фантазий и просит его изолировать, статусом монстра. Автор не называет причины, но предостерегает нас от того, чтобы источником этих изменений признавать развитие невропатологии, психоанализа или психотехник, поскольку он видит в них скорее следствие описанных метаморфоз [8, с. 140–176].

Еще одним аспектом ненормального Фуко называет воображение человека, которое связано с сексуальным инстинктом. Ссылаясь на Г. Кана, он говорит, что именно воображение способно открыть перед инстинктом его ненормальную природу, именно в воображении расходятся природа и нормальность, именно воображение является причиной и посредником патологических проявлений инстинкта [8, с. 336]. Возникает совокупность отклонений одновременно естественных и ненормальных образующих собой единую область, которой управляет функциональный дисбаланс, приводящий к тому, что инстинкты функционируют согласно своему собственному режиму, не контролируемому высшими инстанциями. Инстинкты, в определенном смысле, работают «нормально», но в то же время ненормально, поскольку «контролирующие органы» не могут сдерживать их ненормальные порывы [8, с. 332–357]. Т. е. они функционируют нормально, не являются патологичными и в то же время не являются нормальными. Будучи

нормальным инстинкт работает ненормально – слишком быстро или медленно, слишком рано или поздно, а также слишком бесконтрольно. Соответственно возникает такой вариант поведения, которое не является патологичным, скорее, его следует назвать неуместным в это время или в этом месте, именно оно становится объектом психиатрии, который она ограждает от общества.

Все, что противоречит нормальному развитию становится объектом психиатрии, в то время как реальные психические отклонения рассматриваются в качестве вторичных по отношению к неконтролируемому, неуместному поведению. Все меняется местами: главное становится второстепенным и наоборот, второстепенное, малозначительное приобретает размер монструозности. А психиатрия становится наукой не только о ненормальном, но и нормальное попадает в круг ее интересов [8, с. 365–366]. Е.Д. Осипова в этой связи указывает на то, что человек, в представлении психиатрии состоит из двух частей «нормальной» и «безумной», в то время как Фуко придерживается противоположного взгляда и высказывает мнение о том, что безумие, которое он безусловно называет отклонением от нормального поведения и даже «социальным дном», тем не менее является «скрытой» частью всегда присутствующей в личности. И речь должна идти о разного рода обстоятельствах, которые провоцируют эту скрытую часть, и она становится явной [4]. Ненормальное, таким образом, перестает быть просто предрасположенностью, но становится болезнью, требующей вмешательства психиатра [8, с. 371].

Это вмешательство становится тотальным. Психиатрия уже не довольствуется девиантами, которых, по мнению Фуко, она готова исправить, даже в случаях самого крайнего проявления девиантного поведения, для этого в арсенале психиатра есть тюрьмы и трудовые лагеря, в которых из ненормального поведения можно даже извлечь пользу для государства в виде бесплатной рабочей силы девианта. Совсем другое дело – безумцы, это совершенно другая группа ненормальных, на которых не действует даже такой педагогический прием как публичная казнь. Образ безумия Фуко называет более сложным и даже диалектичным, он одновременно и поучителен, как представление о крайней степени неуправляемости, и полезен для целей власти как надежда на исцеление.

В этой части Фуко приходит к новой идее, которую более подробно будет развивать в следующих работах – это идея власти государства над безумием. Если раньше государство в свое распоряжение брало только тело человека, то теперь, благодаря психиатрии, в его ведении оказался весь человек, целиком – его мысли, поступки, желания и инстинкты. Философ говорит о политизации безумия. В ситуации размывания границ между нормой и ненормальным, в ситуации полной власти над человеком, государство с помощью психиатрии и психиатров получает возможность доказать, что политические оппоненты – это ненормальные. Наука, в лице биологии, ана-

томии, психологии и, конечно, психиатрии, оказывается способна распознать в политическом движении тех, кого стоит признать и кого можно развенчать, назвав ненормальными [8, с. 191].

Итак, власть психиатрии поглотив человека целиком поглощает и все общество, Фуко называет трех, на его взгляд, референтов психиатрии – референт административный, семейный и политический [8, с. 192]. Союз психиатрии и государства (общества) становится полновластным хозяином мира.

Современный исследователь Е.Д. Осипова, анализируя идеи Фуко, соглашается с ним в том, что безумие создается самим обществом, конституируется в общественных практиках и считает его неразрывно связанным с творчеством, поскольку и первое, и второе воспринимаются как иррациональный аспект личности и являются показателем того, насколько критичным к себе оказывается современное общество [4].

Так, анализируя различные модели психического заболевания, А.В. Билибенко приходит к выводу, что они становятся тем феноменом, посредством которого, в современной науке, анализируются «...экзистенциальная подоснова бытия, общество, история», т. е. они являются методологическим инструментом, вспомогательной стратегией исследования, а дискурс психической болезни в свою очередь не только естественно-научным психиатрическим, но и философским, общегуманитарным [1].

Другими словами, современная наука, спустя пятьдесят лет, развивает идеи М. Фуко именно как универсальные, философские, а не сугубо медицинские. Осмелимся предположить, что современное общество, предоставляет обширный материал для развития идей Фуко о норме и ненормальном, эти идеи найдут свое продолжение и воплощение в новых современных реалиях и мы увидим возможность их приложения на том материале, который автором даже не предполагался.

Список литературы

1. Билибенко А.В. Модели философского осмысления психического заболевания // Известия Саратов. ун-та. Нов. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. № 1-1. С. 9–13.
2. Билибенко А.В. Эпистемология болезни М. Фуко: безумие как истина человека // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2013. № 4. С. 30–37.
3. Калинина О.И. Феномен безумия, неразумия и власти в философии М. Фуко // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2010. № 1 (77). С. 156–158.
4. Осипова Е.Д. Безумие, творчество и иррациональность: постановка проблемы и ее трактовка в работа М. Фуко // Вестник РУДН. Серия Социология. 2014. № 3. С. 54–62.
5. Сидоров-Моисеев И.И. Понимание психической болезни Мишелем Фуко: от критики психиатрии к постструктурализму // Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. 2011. Вып. 2 (6). С. 42–47.

6. Тетенков Н.Б. Норма и патология как гносеологические категории // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Т. 9. № 3А. С. 36–43. DOI: 10.34670/AR.2020.37.57.005
7. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью: в 3 ч. / пер. с франц. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. 320 с.
8. Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеже де Франс в 1974-1975 учебном году. СПб.: Наука, 2004. 432 с.
9. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с франц. М.: Касталь, 1996. 448 с.
10. Canguilhem G. On the Normal and the Pathological. Trans. by C.R. Fawcett. New York: Zone Books, 1989. 327 p.

BLURRING THE BOUNDARIES OF THE NORMAL AND THE ABNORMAL: FROM THE PHILOSOPHY OF M. FOUCAULT TO THE PRESENT DAY

N.V. Fedorova

Omsk State Pedagogical University, Omsk

This article explores the problem of norm and abnormality using Michel Foucault's 1975 lectures, titled «Abnormal», as an example. In these lectures, the thinker, fifty years ago, began his transition from the problem of madness to the problem of power. The author imbues these questions with philosophical and cultural content, denying psychiatry the sole right to understand norm and madness, thereby laying the foundations for understanding madness as a post-structuralist problem. The paper presents research by contemporary authors, whose work maintains Foucault's position and takes on new meaning. The author discusses the potential for developing Foucault's teachings within contemporary society.

Keywords: *norm, abnormal, madness, psychiatry, transformation, society, state.*

Об авторе:

ФЕДОРОВА Наталья Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и педагогической психологии, ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», г. Омск. E-mail: tashafed@mail.ru

Author information:

FEDOROVA Natalia Vladimirovna – PhD (Psychological Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Department of General and Educational Psychology, Omsk State Pedagogical University, Omsk. E-mail: tashafed@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.12.2025.
Дата принятия рукописи в печать: 15.10.2025.